

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Фридрихъ Паульсенъ,

Почетный Членъ Московскаго Психологическаго Общества.

Н. Гусинъ.
XII 1899.
— 1901.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ 5-ГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. П. Преображенскаго.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская ул., соб. домъ.

1899.

„Вопросы Философiи и Психологiи“,

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ПРИ СОДѢЙСТВII

С.-Петербургскаго философскаго Общества.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философiи и психологiи. Въ понятiя философiи и психологiи включаются: логика и теорiя знанiя, этика и философiя права, эстетика, исторiя философiи и метафизика, философiя наукъ, опытная и физиологическая психологiя, психопатологiя. 2) Критическiя статьи и разборы ученiй и сочиненiй западно-европейскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общие обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философiи и библиографiи. 4) Философская и психологическая критика произведенiй искусства и научныхъ сочиненiй по различнымъ отдѣламъ знанiя. 5) Переводы классическихъ сочиненiй по философiи древняго и новаго времени. Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, iюня, октября и декабря) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

Журналъ издается подъ редакцiей *В. П. Преображенскаго*, при непосредственномъ содѣйствii *Л. М. Лопатина* и *кн. С. Н. Трубецкаго* и при ближайшемъ участii *В. А. Гольцева*, *В. Н. Ивановскаго*, *Н. А. Иванцова*, *С. С. Корсакова*, *Вл. С. Соловьева*, *А. А. Токарскаго*, *Н. А. Умова*.

Въ „Вопросахъ Философiи и Психологiи“ принимаютъ участiе слѣдующiя лица.

Н. А. Абрикосовъ, Ю. И. Айхенвальдъ, В. Анри, Н. Н. Баженовъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, А. Н. Бекетовъ, А. Н. Бернштейнъ, П. Д. Боборыкинъ, Е. А. Бобровъ, С. Н. Булгаковъ, В. Р. Буцке, А. С. Бѣлинъ, В. А. Вагнеръ, В. Э. Вальденбергъ, А-дръ И. Введенскiй, Д. В. Викторовъ, Н. Д. Виноградовъ, П. Г. Виноградовъ, В. И. Герье, А. Н. Гиляровъ, В. А. Гольцевъ, Л. О. Даршкевичъ, В. В. Дюнстонъ, Н. А. Заѣревъ, Ѳ. А. Зеленогорскiй, В. Н. Ивановскiй, Н. А. Иванцовъ, А. П. Казанскiй, П. А. Каленовъ, М. И. Каринскiй, Н. И. Карѣвъ, В. О. Ключевскiй, А. Я. Кожевниковъ, А. А. Козловъ, Я. Н. Колубовскiй, С. С. Корсаковъ, Ѳ. Е. Коршъ, Н. Н. Ланге, П. Ломброзо, Л. М. Лопатинъ, С. М. Лукьяновъ, П. Н. Милуковъ, П. В. Мокiевскiй, Л. Е. Оболенскiй, Д. Н. Овсянко-Куликовскiй, В. П. Преображенскiй, Э. Л. Радловъ, В. П. Сербскiй, В. С. Серебрянниковъ, П. П. Соколовъ, Влад. С. Соловьевъ, Г. Е. Струве, П. Б. Струве, С. А. Сухановъ, А. А. Токарскiй, гр. Л. Н. Толстой, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. С. Н. Трубецкой, Н. А. Умовъ, Г. И. Челпановъ, Б. Н. Чичеринъ, Н. Ѳ. Шаталовъ, Н. И. Шишкинъ и др.

Условiя подписки: на годъ безъ доставки — 6 р., съ доставкой въ Москвѣ — 6 р. 50 к., съ пересылкою въ другiе города — 7 р.; за границу — 8 руб.

Учащiеся въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ, сельскiе учителя и сельскiе священники пользуются скидкой въ 2 р. Подписка на льготныхъ условiяхъ принимается **только** въ конторѣ журнала, непосредственно или письменно.

Подписка, кроиѣ отдѣленiя конторы въ книж. магазинѣ **Русской Мысли** (Москва, Б. Никитская, д. Вельтишевой), книжныхъ магазинахъ **«Новаго Времени»** (С.-Пб., Москва, Одесса и Харьковъ), **Карбасникова** (С.-Пб., Москва, Варшава), **Вольфа** (С.-Пб. и Москва), **Оглоблина** (Кievъ), **Башмакова** (Казань) и другихъ, принимается

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА:

Москва, М. Никитская, Георгiевскiй пер., д. Соловьевой.

Paulsen, F.
11

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Friedrich Paulsen

Фридрихъ Паульсенъ,

Почетный Членъ Московскаго Психологическаго Общества.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ 5-ГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. П. Преображенскаго.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовск. ул., соб. д.
1899.

424

BD23
P218
1899

Das Wahre war schon längst gefunden,
Hat edle Geisterschaft verbunden,
Das alte Wahre, fass es an.

Goethe.

Предисловіе къ первому изданію.

Не какая-нибудь новая философія предлагается здѣсь читателю, а именно то, что возвѣщается заглавіемъ: введеніе въ философію. Эта книга имѣетъ въ виду дать своимъ читателямъ то, что я старался дать своимъ слушателямъ въ лекціяхъ, которыя я въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ читалъ подъ тѣмъ же заглавіемъ; она хочетъ навести ихъ на то, чтобъ они предложили себѣ, въ качествѣ вопросовъ, тѣ послѣднія великія проблемы, которыя задастъ міръ мыслящему духу человѣка, и обдумали тѣ великія мысли, которыми отвѣтили на эти вопросы духовные вожди человѣчества.

Такое введеніе могло бы имѣть форму историческаго обзора; но оно можетъ также имѣть и форму разбора этихъ вопросовъ и мыслей. Я избралъ послѣднюю форму, или, скорѣе, не избралъ, а она представилась мнѣ сама собою, какъ единственно возможная. Только тотъ, кто занялъ самостоятельное положеніе къ философскимъ проблемамъ и ихъ рѣшеніямъ, можетъ излагать ихъ другимъ; и опять, какъ могъ бы онъ сдѣлать это, не давая проникнуть въ изложеніе своимъ воззрѣніямъ и своему сужденію? Я имѣю, слѣдовательно, въ виду не только изложить проблемы и возможные и выступившія въ исторіи рѣшенія ихъ, но и постараться въ то же время привести читателя къ признанію того разрѣшенія, которое я считаю за правильное. Такимъ образомъ онъ все-таки найдетъ на этихъ страницахъ и философію.

Чтобы повести дѣло открыто и помочь ему занять опредѣленное положеніе къ развитой ниже философіи, я здѣсь же обозначу ее въ нѣсколькихъ чертахъ.

Воззрѣніе, къ которому, на мой взглядъ, стремится развитіе философскаго мышленія, то направленіе, въ которомъ лежитъ истина, я обозначаю именемъ *идеалистическаго монизма*. Противоположности, ограничивающія и опредѣляющія это воззрѣніе, это — *супранатуралистическій дуализмъ* и *атомистическій матеріализмъ*. Первый есть перешедшая изъ средневѣковой схоластики и продолжавшаяся въ протестантской новосхоластикѣ вплоть до 18-го столѣтія школьная философія церковнаго ученія; она раздѣляетъ тѣло и духъ какъ двѣ, только случайно и временно связанныя между собою, субстанции; она старается отдѣлить другъ отъ друга Бога и природу, какъ двѣ чуждыя другъ другу дѣйствительности. Атомистическій матеріализмъ, напротивъ, есть философія, въ которой возникшее въ 17-мъ столѣтіи механическое объясненіе природы видитъ не просто свои собственныя послѣднія предположенія, а и вообще послѣднія мысли о мірѣ.

Всю исторію новѣйшей философіи можно конструировать какъ постоянную попытку выйти за предѣлы этой противоположности. Супранатурализмъ противопоставляетъ міру Бога, какъ внѣмірное и человѣкоподобное отдѣльное существо, и предполагаетъ, что онъ, сотворивши изъ ничего этотъ міръ въ опредѣленный моментъ времени, потомъ продолжаетъ при случаѣ воздѣйствовать на него. Это воззрѣніе, благодаря возникновенію новѣйшаго естествознанія, все болѣе и болѣе утрачивало изъ-подъ ногъ почву. Принципы изслѣдованія природы есть естественная закономерность явленій. Одна область за другой подводились подъ этотъ принципъ, и постепенно такимъ образомъ непреодолимо проложила себѣ дорогу мысль: всѣ явленія въ природѣ надо разсматривать какъ результатъ закономѣрно дѣйствующихъ силъ. Этой мысли матеріализмъ придаетъ теперь форму метафизики, предполагая этимъ слѣдять послѣдній выводъ изъ научнаго познанія вещей: вся дѣйствительность есть не что иное, какъ система слѣпо дѣйствующихъ физическихъ силъ. Старая супранатуралистическая система нашла себѣ защиту противъ этого частью въ традиціонныхъ дослѣдахъ онтолого-космологическаго умозрѣнія, главнымъ же образомъ въ заподозриваніи и поруганіи матеріа-

листической философии, а при случаѣ также и новыхъ наукъ, какъ безбожныхъ нововведеній, опасныхъ также и для государства и общества.

Философія старается теперь побороть эту противоположность *изнутри*; она всюду старается — и это, можно сказать, есть движущій моментъ во всемъ развитіи новѣйшей философіи — *сдѣлать религіозное міросозерцаніе и научное объясненіе природы совмѣстимыми другъ съ другомъ*. По воззрѣнію многихъ, это будетъ значить — найти квадратуру круга. Можетъ быть, такая задача имѣетъ извѣстное сходство съ этимъ: какъ здѣсь можно достигнуть только приближеній, такъ и тамъ дѣло никогда, можетъ быть, не удастся вполнѣ. Но во всякомъ случаѣ должно признать, какъ историческій фактъ, что философское мышленіе послѣднихъ трехъ столѣтій было направлено на эту цѣль.

Его точкой отправленія и его предположеніемъ служатъ новѣйшее естествознаніе и основная мысль послѣдняго — всеобщая естественная закономерность явленій. То, что не признаетъ этой мысли, лежитъ внѣ этого ряда развитія. Его второе основное убѣжденіе слѣдующее: то, чему насъ поучаютъ о дѣйствительности естественныя науки, не есть еще все, что о ней можно сказать; дѣйствительность есть еще нѣчто другое и большее, чѣмъ движущійся по законамъ механики тѣлесный міръ. Весьма различнымъ образомъ старались опредѣлить это другое и большее, или же доказать его неопредѣлимость, но признали его въ сущности всѣ. То, что его не признаетъ, тѣчно такъ же лежитъ внѣ собственнаго развитія новѣйшей философіи.

Ясно выступаютъ обѣ эти черты въ тѣхъ двухъ большихъ направленіяхъ, въ которыхъ двигалась философія 17-го и 18-го столѣтій. *Рационалистически-метафизическій* рядъ; главными представителями котораго служатъ *Декартъ, Спиноза и Лейбницъ*, исходитъ изъ признанія истинности новаго *физическаго міровоззрѣнія*, чтобы затѣмъ дополнить его *метафизическимъ* воззрѣніемъ. Возникшее въ Англіи *эмпирически-позитивистическое* направленіе, представителями котораго служатъ *Локкъ, Беркли и Юмъ*, исходитъ изъ того же самаго предположенія, но приходитъ путемъ гносеологической рефлексіи ко взгляду, что физическій видъ міра есть не абсо-

лютая дѣйствительность, а случайный видъ, проекція дѣйствительности на нашу чувственность. Въ *Кантъ* оба эти позрѣнія встрѣчаются и проникаютъ другъ друга въ высшей степени своеобразнымъ образомъ; но прежде всего съ него начинается тотъ значительный поворотъ, который стараются достигнуть мира между религіознымъ міровоззрѣніемъ и научнымъ объясненіемъ природы — тѣмъ, что онъ отдѣляетъ религіозность отъ интеллектуальной функціи и обосновываетъ ее на сторонѣ воли.

Своеобразный видъ принимаетъ дѣло въ 19-мъ столѣтіи. Различіе философскаго мышленія распадается, по крайней мѣрѣ въ Германіи, на три ясно расходящіяся эпохи. Первая треть принадлежитъ *спекулятивной* философіи; она представляетъ собою попытку, своимъ спекулятивно-метафизическимъ толкованіемъ міра въ духовно-логическомъ смыслѣ, не только пополнить физическое міровоззрѣніе, но и вполне преодолѣть его. Во второй трети, когда философія, послѣ неудачи спекулятивнаго предпріятія, была подавлена какъ внутреннимъ малодушіемъ, такъ и вѣншимъ пренебреженіемъ, возстаегъ физическое воззрѣніе и обосновывается въ метафизикѣ какъ абсолютная истина. Еще и по сей день это воззрѣніе является господствующимъ въ обширномъ кругу образованныхъ классовъ, а въ последнее время также и среди массъ, пробудившихся къ размышленію о своемъ положеніи. Но рядомъ съ этимъ въ послѣднюю треть столѣтія и философія также пробуждается изъ своей латентности къ новой жизни и приступаетъ къ старой задачѣ — не вытѣснить или преодолѣть физическое воззрѣніе, а пополнить и завершить его болѣе обширнымъ и болѣе глубокимъ воззрѣніемъ на дѣйствительность, метафизическою. Назовемъ дѣла *Фегнера* и *Лотце* — какъ представителя старой, стараго школьнаго, *Ланге* и *Вундта* — какъ представителя болѣе молодого.

Потомъ обозначается философскій пробужденіе, которое также не *настало* и *опрелѣ* и въ 19-мъ столѣтіи въ философіи, а въ 20-мъ столѣтіи въ философіи.

Философскій пробужденіе въ 19-мъ столѣтіи — это философія *Фегнера* и *Лотце* — какъ представителя старой, стараго школьнаго, *Ланге* и *Вундта* — какъ представителя болѣе молодого.

познанія дѣйствительности; менѣе всего мы обладаемъ таковымъ въ физикѣ; міръ тѣлъ есть міръ явленій.—Въ Германіи она примыкаетъ этимъ къ Канту.

2) *Идеалистически-монистическій*. Ея метафизическое исповѣданіе гласитъ: поскольку можно попытаться сдѣлать опредѣленіе сущности дѣйствительности самой по себѣ, оно должно быть заимствуемо изъ внутренняго опыта; въ духовно-историческомъ мірѣ дѣйствительность раскрываетъ передъ нами свое истинное содержаніе самымъ понятнымъ, или, скорѣе, единственно понятнымъ образомъ. Послѣдняя мысль, къ которой мы приходимъ, идя по слѣдамъ фактовъ, состоитъ въ слѣдующемъ: дѣйствительное, которое представляется въ тѣлесномъ мірѣ нашимъ чувствамъ, какъ единообразная система движенія, есть явленіе единой духовной Всежизни, которую надо мыслить какъ развитіе единого (разумѣется—безконечно далеко превосходящаго наши понятія) смысла, идеи.—Въ этомъ отношеніи она тѣсно примыкаетъ къ общимъ чертамъ міровоззрѣнія спекулятивной философіи, или, скорѣе, всякой идеалистической философіи, начиная съ Платона.

3) Она обращается отъ интеллектуалистическаго пониманія къ *волюнтаристическому*. Прежде всего въ психологіи; здѣсь замѣтно, во-первыхъ, вліяніе Шопенгауэра и, во-вторыхъ, все увеличивающееся значеніе новаго біологическаго воззрѣнія. Но потомъ это пониманіе проникаетъ также въ метафизику и міросозерцаніе. И здѣсь ему идетъ навстрѣчу тотъ Кантовскій поворотъ, который стремится предоставить волѣ ея законное вліяніе на міросозерцаніе. Протестантское богословіе подъ этими вліяніями также становится на путь къ переходу отъ интеллектуализма къ волюнтаризму.

4) Она обращается къ *эволюціонистически-телеологическому* образу созерцанія. Вліяніе новой космологіи и біологіи распространяется какъ на психологію и натурфилософію, такъ и на метафизику; здѣсь навстрѣчу ему идетъ идеалистическій монизмъ. Потомъ оно начало проникать въ практическую философію: этика и соціологія, правовѣдѣніе и государствовеѣдѣніе стоятъ на пути къ тому, чтобы стряхнуть съ себя старыи формалистическій способъ изслѣдова-

нія и провести на его мѣсто телеологическій образъ созерцанія. Цѣль владѣть жизнью, слѣдовательно и наука о жизни какъ индивидуума, такъ и совокупности должна будетъ пользоваться этою категоріей.

5) Этотъ моментъ стоитъ, наконецъ, въ связи съ одной чертой, которая придаетъ особенный отпечатокъ всей философіи 19-го столѣтія, въ противоположность къ предшествовавшему періоду: это — *направленіе къ исторіи*. Болѣе ранняя философія покоится на математически-естественно-научномъ созерцаніи дѣйствительности; она — абстрактно-раціоналистическая. Спекулятивная философія исходитъ изъ построенія духовно-историческаго міра; она пытается потомъ и природу построить какъ бы исторически, по крайней мѣрѣ въ логически-генетическомъ схематизмѣ. Естественныя науки слѣдуютъ за этимъ теченіемъ и въ космической и біологической теоріяхъ развитія трактуютъ природу дѣйствительно исторически. Очевидно, что они работаютъ этимъ въ руку старому старанію философіи—свести физическій міръ и духовно-историческій въ единое совокупное созерцаніе.

Вотъ то направленіе, въ которомъ, какъ мнѣ кажется, движется философія въ настоящее время; во всякомъ случаѣ это то направленіе, въ которомъ движутся излагаемыя здѣсь мысли.

Изъ намѣченнаго положенія философіи между религіознымъ міросозерцаніемъ и механическимъ объясненіемъ природы вытекаетъ какъ результатъ ея трудное положеніе въ послѣднее время: роль посредника легко переходитъ здѣсь—какъ и вездѣ—въ борьбу съ двухъ фронтовъ. Съ одной стороны она служитъ мишенью для нападокъ супранатуралистической теологіи; она обвиняется въ подкапываніи авторитета признаваемаго церковью и охраняемаго государствомъ ученія. Вначалѣ для подавленія философскихъ лжеученій еще регулярно призывалась государственная власть и нерѣдко съ успѣхомъ. Въ настоящее же время такая практика—по крайней мѣрѣ въ протестантской области—почти оставлена. А католицизмъ еще и по сей день официально придерживается средневѣковаго воззрѣнія, что обязанность духовной и свѣтской властей — наблюдать за

философіей и при случаѣ подавлять ее. Разница только въ томъ, что свѣтская рука уже не съ прежней готовностью поднимается противъ еретичества.

Съ другой стороны, философія испытываетъ нападки со стороны представителей чисто-физическаго міровоззрѣнія. „Профессора философіи“, эти наиболѣе оклеветанные со времени Шопенгауэра люди, подвергаются насмѣшкамъ какъ жрецы второго класса, приставленные будто бы служить секундантами церкви въ борьбѣ ея противъ науки; какъ люди, оплачиваемые за то, чтобы посредствомъ всякаго рода смутныхъ и абструзныхъ разъясненій путать головы молодежи, преисполнять ее недоувѣріемъ къ наукѣ и загонять въ объятія авторитетной вѣры.

У меня нѣтъ намѣренія защищать философію противъ этихъ упрековъ, или изслѣдовать, есть ли въ нихъ правда, и сколько ея. Моя задача состояла лишь въ томъ, чтобы указать ихъ причину въ исторически данномъ положеніи новѣйшей философіи. Они будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока продолжается причина, то-есть до тѣхъ поръ, пока продолжается враждебная противоположность между ученіемъ церкви и наукой. До тѣхъ поръ церковь все будетъ усердствовать противъ философіи, противопоставляющей традиціонному ученію выводы науки, болѣе, чѣмъ противъ спеціального научнаго изслѣдованія, которое, по существу дѣла вращаясь лишь въ тѣсномъ кругу, легко можетъ уклоняться отъ столкновенія съ церковнымъ ученіемъ. До тѣхъ же самыхъ поръ будетъ, съ другой стороны, вводится подозрѣніе во внутренней неправдѣ и на философію, которая рядомъ съ научнымъ изслѣдованіемъ говоритъ о границахъ человѣческаго познанія и о правѣ религіознаго міросозерцанія. И тѣмъ труднѣе становится ея положеніе, чѣмъ болѣе обостряется эта противоположность. „Матеріализмъ есть необходимый коррелятъ іезуитизма: вода въ этихъ сообщающихся между собою трубкахъ стоитъ всегда на одинаковой высотѣ“. Эти слова Пауля де-Лагарда всегда будутъ находить себѣ подтвержденіе въ исторіи; это относится столько же къ протестантскому іезуитизму, сколько и къ католическому. Всякое усиленіе конфессіональнаго принужденія увеличиваетъ непріязнь со

стороны оппозиціи и увеличиваетъ непріязнь обѣихъ сторонъ къ философіи: церковь преслѣдуетъ въ ней болѣе опасную застрѣльщицу невѣрія, радикализмъ видитъ въ ней ненадежную и вѣроломную союзницу, которая поддерживаетъ сношенія также и съ противоположнымъ лагеремъ. Лишь съ примиреніемъ науки съ вѣрой,—подъ каковымъ не слѣдуетъ, конечно, понимать какую-нибудь систему догматики,—обрѣтеть миръ и сама философія. До тѣхъ же поръ задачей ея будетъ оставаться то, чтобы, не заботясь о пальбѣ съ обѣихъ сторонъ, твердо стоять на своемъ посту между обоими враждебными лагерями; ея щитъ—чистая совѣсть, ея девизъ—не сдаваться ни на что, кромѣ одной лишь истины.

Въ заключеніе еще одно слово о способѣ изложенія.

Всюду я имѣлъ передъ собой двѣ задачи: 1) развить философскія проблемы съ ихъ возможными рѣшеніями и, въ то же время, изложить и обосновать то рѣшеніе, которое представляется мнѣ правильнымъ; 2) обозначать на каждомъ пунктѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ чертахъ, историческое развитіе философскаго мышленія. Что оба разсмотрѣнія равномѣрно ведутъ къ одной и той же цѣли, это происходитъ, конечно, въ силу своего рода предустановленной гармоніи: насколько я вижу, каждый мыслитель до сихъ поръ чувствовалъ свои мысли самъ и старался уяснить ихъ другимъ, съ одной стороны, какъ вызываемое фактами рѣшеніе, съ другой—какъ цѣль историческаго развитія. Конечно, выборъ исторически значительныхъ пунктовъ, которыми опредѣляются направленія развитія, происходитъ, въ концѣ концовъ, всегда по согласованію съ своими собственными мыслями: какъ, по старинному изреченію, человѣкъ есть мѣрило вещей, такъ собственные мысли есть мѣрило чужихъ. •

Одинъ упрекъ я предвижу, именно, что я слишкомъ пренебрегаю различіями идеалистическихъ системъ, или сглаживаю ихъ гармонизирующимъ изложеніемъ. Я не хотѣлъ уклоняться отъ этого упрека. Все дѣло заключалось здѣсь въ томъ, чтобы въ общихъ очертаніяхъ прослѣдить исторически главные черты этого строя мысли, причемъ различія должны были отступитъ болѣе на задній планъ. Пла-

тонъ и Аристотель, Спиноза и Лейбницъ, Юмъ и Кантъ, Фехнеръ и Лотце, конечно, очень различные умы, равно какъ и различія ихъ философскихъ системъ громадны,—имъ и самимъ представлялось это такъ. И, тѣмъ не менѣе, при случаѣ можетъ быть цѣлесообразнымъ оставить безъ вниманія различія и выставить на видъ лишь крупныя общія черты.—При обученіи географіи мы предлагаемъ ученику сначала карты, которыя лишь въ крупныхъ линіяхъ обозначаютъ очертанія странъ и морей, главныя горныя системы и большія водныя артеріи. Специальныя карты съ массой деталей только бы запутали его. Мнѣ представляется, что нерѣдко происходитъ нѣчто подобное съ учениками при занятіи исторіей философіи; если съ самаго же начала предложить ему ее съ безчисленными, большими и малыми, различіями воззрѣній и доказательствъ, то въ результатъ легко можетъ явиться безпомощное замѣшательство и въ концѣ концовъ безнадежный скептицизмъ: ученіе исторіи философіи таково, что здѣсь каждый—противникъ другого, и что все дѣло кончается, слѣдовательно, безрезультатно.

Въ противоположность этому, предлагаемая здѣсь историческія указанія имѣютъ въ виду пробудить убѣжденіе, что продолжавшаяся столько столѣтій работа философскаго мышленія не осталась тщетной, что она ведетъ скорѣе къ одному, согласному въ крупныхъ основныхъ чертахъ міровоззрѣнію, видъ котораго вырисовывается все рѣзче и рѣзче. Исторія философіи есть настолько же путь къ истинѣ, какъ и исторія всякой другой науки. Конечно, и здѣсь нѣтъ недостатка въ блужданіяхъ и обходахъ.

Еслибы знатоки снизошли прочитать эту книгу и потомъ нашли, что она не оправдала ихъ ожиданій, то это не очень ужъ обезпokoило бы меня; въ своей жизни я не встрѣчалъ еще никого, кто бы въ чемъ-нибудь угодилъ знаатокамъ, къ тому же еще въ Германіи, столь богатой знаатоками во всѣхъ областяхъ знанія. Но пусть они не обвиняютъ меня, что я обманулъ ихъ ожиданія,—введенія пишутся вѣдь не для знатоковъ.

Если книга попадетъ въ руки моимъ старымъ слушателямъ, то прошу ихъ смотрѣть на нее какъ на привѣтъ

автора и воспоминаніе о пережитыхъ когда-то вмѣстѣ часахъ. Охотно предаюсь также надеждѣ, что предлагаемая здѣсь разсужденія доставятъ тому или другому читателю моей *Этики* не нежелательное дополненіе къ нѣкоторымъ мыслямъ, тамъ лишь намѣченнымъ.

Штеглицъ близъ Берлина, 6 августа 1892.

Предисловіе ко второму изданію.

Къ новому изданію я не имѣю присоединить ничего иного, кромѣ выраженія радости по поводу того, что въ такое возбужденное и такъ гонящееся за всѣмъ возбуждающимъ, особенно за возбуждающимъ чтеніемъ, время такъ быстро приобрѣла себѣ кругъ читателей и друзей столь мало возбуждающая книга, какъ эта. Слѣдовательно, и въ наше время все-таки нѣтъ, повидимому, недостатка въ любителяхъ „старой истины“, какъ могъ бы предположить тотъ, кто судилъ бы лишь по тому зрѣлищу, которое представляютъ витрины нашихъ книжныхъ магазиновъ съ ихъ вдоль и поперекъ исписанными и пестрящими всѣми цвѣтами обертками книгъ.

Измѣненія въ этомъ новомъ изданіи идутъ не далѣе того, что кое-гдѣ сдѣланы улучшенія въ изложеніи.

Нѣсколько вызывающій оборотъ, которымъ въ предисловіи къ первому изданію было отклонено сужденіе „знатокъ“, не навлекъ на книгу неудовольствія со стороны свѣдущихъ цѣнителей. Только одинъ проявилъ себя „знаткомъ“ и со строгой миной судьи произнесъ свой судъ: это—рецензентъ „*Göttinger Gelehrte Anzeigen*“. Онъ находитъ, что книга не представляетъ, правда, ничего для знатока, но не даетъ также ничего и для незнаатока. „Вводитъ юношество въ философію значитъ вводить его въ работу, въ трудную работу мысли“.

Такая трудная мыслительная работа, какъ исполняемая въ Геттингенѣ этимъ учителемъ и учениками, конечно, не всякаго ума дѣло. Пусть же тамъ пытаются „всѣлить въ души юношества вѣрный образъ того, чего постоянно хотѣла философія, помимо простой популярной философіи“.

Мнѣ же да будетъ предоставлена моя манера и да будетъ мнѣ позволено при этомъ утѣшать себя изреченіемъ Гёте:

„Was willst du, dass von deiner Gesinnung
Man dir nach ins Ewige sende?“
Er gehörte zu keiner Innung,
Blieb Liebhaber bis ans Ende.

Штеглицъ, 13 марта 1893.

Предисловіе къ третьему изданію.

Третье изданіе перепечатано безъ измѣненій со второго, которое въ свою очередь представляло лишь незначительныя измѣненія сравнительно съ первымъ.

Во вступленіи къ новому изданію я могу только повторить то, что говоритъ предисловіе ко второму: я радъ, что въ такое возбужденное и такъ гоняющееся за всѣмъ возбуждающимъ, особенно за возбуждающимъ чтеніемъ, время такъ мало возбуждающая книга, какъ эта, могла найти себѣ столь многихъ читателей и друзей. Какъ видно, и въ наше время все-таки не такъ ужъ мало любителей „старой истины“, какъ могъ бы предположить тотъ, кто судилъ бы лишь по тому впечатлѣнію, которое производятъ витрины нашихъ книжныхъ магазиновъ съ ихъ вдоль и поперекъ исписанными и пестряющими всѣми цвѣтами обложками книгъ.

Правда, выросло число и тѣхъ, которые въ качествѣ знатоковъ пустились въ судъ о книгѣ и осудили ее. Я не могу считать своей обязанностью знакомить здѣсь читателя съ отдѣльными изъ нихъ. Въ общемъ среди нихъ замѣтно выступаютъ двѣ группы: съ одной стороны—приверженцы „научной философіи“, которымъ кажется, будто эта книга содержитъ въ себѣ слишкомъ мало строгости мысли и слишкомъ много податливости передъ отсталыми фантазіями; съ другой стороны—представители конфессіональной вѣры, которые находятъ въ ней въ сущности философію невѣрія, „несмотря на нѣкоторые христіанскіе обороты рѣчи“. Тѣ и другіе сходятся въ томъ, что упрекаютъ книгу въ нерѣшительности и полумѣрахъ: еслибы у автора была ясная голова или рѣшительный характеръ, то онъ сталъ бы на